

Опыты преодоления изгойства

Нью-Йоркский журнал «Опыты», 9 номеров которого вышли в 1953—1958 годах, уже неоднократно привлекал внимание исследователей. Дважды расписано его содержание¹, существуют статьи энциклопедического типа², несколько статей собственно исследовательских³ и ряд солидных публикаций из архивов редакторов⁴, — и объяснение этому найти довольно легко. Действительно, это был первый собственно литературный журнал в русской диаспоре послевоенного периода, при этом в высокой степени ориентированный на восстановление общего культурного пространства русской эмиграции.

Практически ни одна статья или публикация не обходится без указания на то, что «Опыты» генетически были связаны с «Числами», хотя сами редакторы и ближайшие сотрудники пытались всячески избежать

¹ L'émigration russe: Revues et recueils 1920-1980: Index general des articles / Сост. Т. Л. Гладкова, Д. В. Громб, Е. М. Кармазин, Ю. Е. Кац, Т. А. Осоргина, Д. Г. Паважо, В. Э. Столярова, М. В. Шерер-Долгорукая; пред. Марка Раева. Р., Institut d'études slaves, 1988. — 664 p. / Bibliotheque russe de l'institut d'études slaves. Т. LXXXI (в общем ряду алфавита авторов); «Опыты» (Нью-Йорк, 1953—1958. № 1—9): Аннотированная роспись содержания / Сост. именной указатель О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 255—368 (как часть блока «Журнал “Опыты” (Нью-Йорк, 1953—1958): Исследования и материалы»). В дальнейшем мы ссылаемся на этот номер сокращенно: ЛЖ.

² Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988. С. 558; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918—1940: Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 553—558 (статья А. А. Ревякиной); Толстой Иван. «Опыты» // Звезда. 1991. № 8. С. 206—207 (вошло также в его книгу: Толстой Иван. Курсив эпохи: Литературные заметки. СПб., 1993. С. 158—161).

³ Коростелев О. А. «Опыты в отзывах современников; Симоненко-Большагина О. А. «Петербург» и «Москва» в культурном пространстве журнала «Опыты»; Федякин С. Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // ЛЖ. С. 3—96. Важные наблюдения см. также: Янгиров Рашит. «Пример тавтологии»: Заметки о войне Владимира Набокова с Георгием Ивановым // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2005. [Т.] VII. С. 594—618 (особенно с. 607—618).

⁴ Переписка Г. В. Адамовича с Р. Н. Гринбергом: 1953—1967 / Публ., подг. текста и комм. О. А. Коростелева; Из архива редактора «Опытов» / Публ. и подг. текста А. Н. Богословского, комм. О. А. Коростелева // ЛЖ. С. 97—227; К истории «встречи двух эмиграций»: Документ из архива Р. Н. Гринберга / Публ. Р. Янгирова // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 1—2. Р. 121—131; «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940—1967) / Публ., пред. и комм. Р. Янгирова // In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 345—397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943—1967 / Вст. ст., публ. и комм. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. [Т.] I. С. 477—556; Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935—1961) / Публ. Н. А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. [Т.] V. С. 402—557; «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!» (О прекращении журнала: По письмам из архива М. С. Цетлиной) / Публ., вст. зам. и комм. Михаила Пархомовского // Русские евреи в Америке. Иерусалим; Торонто; Москва, 2005. Кн. 1. С. 187—208.

таких параллелей. Так, Г. В. Адамович остерегал одного из первых редакторов журнала Р. Н. Гринберга: «Кто и что будет в “Опытах” вообще? Признаюсь, у меня есть некоторое опасение, что в них будет уклон к блаженной памяти “Числам” с их запоздалым модернизмом и чем-то мало-русским по духу»⁵, на что Гринберг отвечал: «...у Вас не должно быть опасений, что наши ОП.<ыты> будут походить на покойные числа. Не думаю. Мое желание, если можно так сказать, “засвидетельствовать” наше время творчески...»⁶. Однако уже в самой первой рецензии Г. Аронсон как само собой разумеющееся отмечал: «Привлекательное по внешности и изящное издание альбомного формата, красивой печати – напоминает “Аполлон” С. Маковского и выходивший в Париже журнал “Числа”»⁷. Действительно, из 24 авторов первого номера «Опытов» (не считая О. Мандельштама) 14, то есть подавляющее большинство, печатались и в «Числах».

Однако, как нам представляется, не менее значимой для устремлений журнала была другая сторона, не столь бросающаяся в глаза, однако вполне существенная. Отчасти она выявляется как из опубликованной, так и до сих пор не опубликованной переписки, отчасти – из наблюдений над деятельностью журнала, к чему мы сейчас и перейдем.

До сих пор в научный оборот не были введены документы, относящиеся к предыстории журнала, тогда как они оказываются весьма существенными и помогающими понять основную линию, по которой шло установление редакционной политики, отношений с меценаткой журнала, подбор авторов и пр. Между тем отчасти это выясняется из материалов, хранящихся в огромном и трудно обозримом архиве Ю. П. Иваска в Амхерсте (Amherst Center for Russian Culture, G. Ivask Papers; приносим благодарность заведующему Центром С. Рабиновичу за всяческое содействие в работе).

В связи с темой конференции введем поле зрения одну тему, которая не бросается в глаза при чтении журнала, но для сотрудников была, видимо, ощутимой. Обсуждая проблему состава редакционной коллегии, Гринберг в какой-то момент отстранил Иваска от непосредственной представленности в списке под предлогом того, что он живет не в Нью-Йорке и это делает сообщение с ним затруднительным. Таким образом, организационный центр журнала был (по крайней мере, в трех номерах) размещен исключительно в том городе, где жили оба редактора и издательница, а также ее постоянные советчики в журнальных делах А. А. Биск и В. С. Варшавский.

⁵ ЛЖ. С. 105.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Новое русское слово. 1953. 24 мая. № 15002. Цит. по: Коростелев О. А. «Опыты» в отзывах современников. С. 7–8.

А 5 января 1955 года, предлагая свой рассказ Иваску, Елена Федоровна Рубисова (1897—1988) писала: «...“герой” — т. е. “главное лицо” в этом рассказе собственно вовсе не этот человек, а сам Город. Этот Город, Нью Йорк, за 15 лет моего пребывания здесь я научилась любить, и знаю его разные “лица”. Нью Йорк — куда теперь, как когда-то в Рим, “ведут все дороги”. <...> У Нью Йорка есть своя особенная жизнь, не сразу заметная, — какая-то первозданная дикость, — как та скала, с которой начинается мой рассказ» (Box 2. Folder 45). «Нью-Йоркский текст» в журнале так и не был создан, но предпосылки к тому, как кажется, были.

Однако вернемся к началу работы над журналом.

29 августа 1952 г. Мария Самойловна Цетлина писала Иваску: «Мне обещана материальная поддержка для издания литературно-художественно-культурной газеты или сборника (будет выходить раз в месяц или раз в два месяца). Когда эта поддержка уже будет в банке — начну осуществление»⁸. Однако уже к середине следующего месяца идея определилась как издание журнала. В этот день Иваску написали и Гринберг, и Цетлина, фрагмент из письма которой процитируем: «Мы предполагаем, что редакция будет состоять из 4-х: В<севолод> Леон<идович> Паст<ухов>, Р. Н. Гринберг, Г. А. Глинка и Вы. Просим о Вашем согласии. Надеемся, что Вы будете читать рукописи» (Там же).

Прежде всего, несколько слов о том, почему Цетлина пришла к идее создания газеты, журнала или сборника. Ее покойный муж, Михаил Осипович, известный как прозаик, как поэт Амари и довольно плодовитый критик, был одним из инициаторов создания «Нового журнала» и поддерживал его финансово. После того, как в 1945 году он скончался, Мария Самойловна продолжала давать на журнал деньги. Однако в 1948 году у нее произошла размолвка с М. А. Алдановым, несколько позже сам «Новый журнал» получил возможность независимого финансирования от фонда Форда, почему у Цетлиной и оказались свободные средства. Было резонно вложить их в некое издание, которое могло бы достойно конкурировать с тем, от которого Цетлина ушла. Таким образом сложилась ситуация, параллельная парижской начала 1930-х годов: примерно через 10 лет после начала издания «Современных записок» (в Нью-Йорке их заместителем явился «Новый журнал») появились желание, литературные силы и средства издавать журнал более острый, более ориентированный на авангардистскую традицию (естественно, по-

⁸ Amherst Center for Russian Culture, G. Ivask Papers. Box 2. Folder 41. Далее ссылки на этот фонд будут приводиться непосредственно в тексте со ссылками на картон и единицу хранения. Листы не нумерованы.

нимаемую по-разному), рассчитанный на более элитарную читающую публику («Числа» в Париже, «Опыты» в Нью-Йорке). Даже по времени два последних журнала продержались почти столько же – 5 лет «Числа» и 6 «Опыты», первые выпустили 10 номеров, тогда как вторые – 9, и известен план 10-го.

Весьма интересен и первоначальный состав редакционной коллегии. Он составлен как будто нарочно так, чтобы представить важные культурные группы послевоенной эмиграции. Гринберг принадлежал к эмигрантам первой волны, однако до издания «Опытов» прямого отношения к литературе не имел, будучи довольно успешным бизнесменом. Иваск был оптированным гражданином Эстонии, занимал в ее культурном мире довольно заметное место⁹, изредка бывал в других странах, смог даже напечататься в «Числах», его письма использовала З. Гиппиус для характеристики взглядов современной молодежи в странах-лимитрофах¹⁰, однако для первой волны он был все-таки маргиналом. В. Л. Пастухов получил благословение на поэтическое творчество от Блока, Гумилева, Кузмина и Лозинского¹¹, однако в межвоенные и военные годы занимался преимущественно музыкой; в «Опытах» напечатал мемуары о Рюрике Ивневе, а единственную книгу стихов издал уже незадолго до смерти¹². Наконец, Глеб Глинка был советским писателем, членом «Перевала», также с некоторыми культурными традициями. Вот как описывал его Гринберг в письме к Иваску от 4 октября 1952 г.: «Знакомлюсь с ГАГ. Он открывается мне понемножку и приятно. Нужно знать, что он сын Волжского. Перенеситесь в 1914 год, Москву, бросьте Вашу няньку и побегите в Мертвый переулок в дом Маргариты Кир. Морозовой, где собрались наши однодумцы из самых просвещенных. Там они сидят под портретом Вл. Соловьева и...

О Русь, в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята...

Об остальном дописываете <так!> сами – Вам все это известно. Вот Волжский, друг о. Булгакова, Рачинского, переселился в ГА» (Box 3. Folder 37). Однако очень скоро его кандидатура в качестве ре-

⁹ Подробнее см.: Исаков С. Г. Русские в Эстонии: 1918–1940. Тарту, 1996. С. 339–353; Пономарева Г. М. Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация / Материалы международного семинара. Tartu, [1997].

¹⁰ Подробнее см.: Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 341–344.

¹¹ См.: Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 694 / Публ. Р. Д. Тименчика.

¹² Пастухов Всеволод. Хрупкий полет. Нью-Йорк, 1967. Ср. рецензию: Иваск Ю. Поэзия Всеволода Пастухова // Новое русское слово. 1967. 9 апреля.

дактора отпала. Причины нам неизвестны доподлинно, однако некоторые соображения можно, видимо, высказать, исходя из общей ситуации.

Из четырех первоначально предполагавшихся редакторов трое, судя по всему, имели что скрывать из своего прошлого в годы войны. Иваск попал в эстонскую дивизию СС, и хотя успешно прошел проверку в лагере ди-пи, афишировать этот эпизод ему не было никакого смысла. Люди, знавшие его уже незадолго до смерти, передавали, что любые воспоминания о военном времени он очень не любил. Пастухов был активно гастролировавшим пианистом, что не только в СССР, но и в европейских странах вполне могло быть воспринято как коллаборантство. О Глинке мы такими сведениями не обладаем, однако судя по некоторым намекам в письмах Гринберга к Иваску, он представлял некую неославянофильскую тенденцию, неприятную всем остальным редакторам, особенно Гринбергу. Так, 14 сентября он писал: «Ваш “ЗАПАД” вызвал возражения со стороны Глинки. Оно и понятно; он сказал, — этим словом мы как бы отказываемся от нашего русского Востока» (Там же).

Этот же фрагмент заставляет нас сказать несколько слов о предполагаемом названии нового, тогда еще безымянного журнала. Иваск предлагал «Запад». В том же письме Гринберг предложил свое собственное название: «Журнал должен провозгласить совершеннейшую свободу творчества в искусстве во имя русской культуры, запрещенной временно у себя на родине и сохранившейся здесь. Эта мысль должна быть как-то особенно ясна и правильно предложена публике, и мне явилась мысль, что и журнал можно было бы назвать:

“З Д Е С Ь”

Редко бывает наречие именем, но бывало. Это — Здесь — кратко, нетенденциозно, непретенциозно, несколько “ударно” и, наконец, ясно противопоставится — Там, т. е. тому, что всякому русскому понятно» (Там же). 21 сентября он же писал: «Имя “ЗДЕСЬ” не встречает возражений, серьезных» (Там же), однако через неделю Цетлина предлагала Иваску новое: «Меня очень привлекает как название журнала: “*Kanva*” — пожалуйста, выскажитесь по этому поводу названия» (Box 2. Folder 41). «Опыты» определились как название только в октябре.

И вместе со спорами о названии не прекращались споры о возможном составе редакции и круге авторов, особенно тех, на которых можно было бы ориентироваться как на ведущих. В октябре Цетлина предлагает в соредакторы Ариадну Владимировну Тыркову-Вильямс — Гринберг в ужасе отказывается: «Ей 84 года. Я взвыл. Она отступила» (Box 3. Folder 37). В ноябре она читает «Освобождение Души» Мих. Корякова и говорит о желании видеть его сотрудником «Опытов» — Гринберг парирует: «Приходил “знакомиться” М. М. Коряков. “Нет-с”, нужно сказать

протяжно. Его ко мне присылала МСЦ. Никуды <так!>. Ловкач большой прыти. Старатель. Сами понимаете» (Там же). 3 декабря Гринберг продолжает обсуждение: «Еще говорил с Максимовым. У <него> нет ничего, но возможно, что будет. Стал напирать, что ему наши цели непонятны. Сказал – насчет “искусства ради искусства”, — обычное “несвоевременно”. Я ответил – нам нужен талантливый рассказ, не очень длинный, а теории оставим другим. <...> Как Чижевский, Якобсон, Карпович и другие фон-моны? Вы не понимаете, что это за дурацкие такие фон-моны? Это особая разновидность спеси, которую разводят профессора. Карп<ович> сам милейший человек, такой мягкий, мягкий, гладкий и круглый – я его слышал на собрании на днях об Европе – было томительно-невыносимо-скучно» (Там же)¹³.

И окончательный выбор фигуры, на которой сошлись все заинтересованные люди, произошел в известной степени случайно, но в то же время очень показательно. 12 декабря Пастухов написал письмо-приглашение Г. В. Адамовичу, на которое тот ответил согласием¹⁴ и очень скоро завоевал место негласного руководителя журнала, что многократно подчеркивалось рецензентами и вызывало некоторое неудовольствие и желание от этой роли избавиться у самого Адамовича.

Нам представляется, что выбор именно его был далеко не случаен. Во-первых, Адамович был одной из крупнейших фигур русского литературного Парижа, начиная с середины 1920-х годов. Привлечение его к ближайшему сотрудничеству тем самым утверждало связь времен. Не менее значимо было и то, что Адамович стоял вне всяких подозрений в коллаборантстве; скорей, наоборот, его можно было упрекать в большевизанстве, что с конца сороковых годов активно и делала парижская «Русская мысль». Но немаловажным, как нам представляется, было и то, что по происхождению он был наполовину еврей. Сколько мы знаем, своего еврейства Адамович никак и нигде не подчеркивал, но тем не менее в его литературной и особенно литературно-критической деятельности отчетливо ощущается принадлежность к тому довольно распространенному в русской интеллигенции типу, который стремился нивелировать фактор национальный, заменяя его исключительно культурным. Естественно, это относится не только к евреям, но и к другим народам, но в среде ассимилированного еврейства он был особенно существенным. В этом смысле иудей Гринберг и христианин Адамович легко находили

¹³ Отметим, что с Р. О. Якобсоном Гринберг прятельствовал еще с московских лет, а в конце 1952 года приглашал в «Опыты». Подробнее см.: Роман Гринберг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вст. ст., публ. и прим. Р. Янгирова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 201–212.

¹⁴ См. в комментариях О. А. Коростелева к переписке Адамовича с Гринбергом (ЛЖ. С. 101).

общий язык, и в тех изданиях, где они так или иначе могли определять общую обстановку, создавалась атмосфера широкой веротерпимости и принципиального отсутствия какого бы то ни было национализма. Вместе с тем стоит обратить внимание, как настойчиво Адамович рекомендует Гринбергу и Иваску своего давнего друга М. Л. Кантора, слабенькую поэтессу Лидию Червинскую, известных всему Монпарнасу, но совершенно литературно беспомощных Арнольда Блоха и Наума Рейзини (Резини, как его именовала Гиппиус), чтобы ощутить желание расширить представленность этой среды в числе сотрудников журнала.

В письмах Гринберга связанность именно с такого рода культурой хорошо прослеживается в ориентации на Пушкина и решительном отвержении псевдо-русского (или казавшегося таковым). Так, 9 февраля 1953 г. он писал Иваску: «Вы говорите, что если б не было вовсе Пуш<кина>, ничего не случилось бы, не родился бы поэт, эка беда, мир бы жил и без этого. Как Вы неправы! Без него в России была огромная лужа, а не наш язык. Пуш<ин> помогает жить, он вечный источник наш, очень многих, мы к нему тянемся, потому что мы обижены, бедны и злы, нам нужна его щедрость. Он все расставил по местам и был убит, оставив нас на произвол нашей дикости: как удивительно, что Пуш<кин> русский национальный поэт и лидер, а человек совсем не русского склада характера, без однодумства, нетерпимости и властолюбия. <...> Буду писать АС Гол<овиной> и ее младороссу; не люблю этих чувашей с царем и с камнем и с советами за пазухой, вообще <так!>, кичливый кисляй» (Там же). И несколько позднее (28 августа) относительно интереса к творчеству Н. А. Клюева: «Клюева и всю сальную Русь, с хлыстами, скопцами, другими дураками, олонецкими сказателями, кликушами ненавижу раз и навсегда – все бездарно от начала до конца, и когда я вижу расписные сухари и вышитых петушков, то меня рвет, как от тухлятины. Нет, ну их к е. м.! Никакой лирики – фальш и фальш <так!>, кривляние и скрип намазанных вонючих сапог (лучше сапогов)» (Там же)¹⁵.

Существенно, что для Гринберга вполне «своим» был кружок, сложившийся вокруг о. Александра Шмемана, куда он стремился ввести своих друзей. Так, 27 декабря 1952 г. он сообщал Иваску: «Гостил здесь Набоков. Третьего дня устроили встречу его с нашими общими друзьями из шмеманова кружка. Набоков дал блестящее представление и всех, должно быть, очаровал. Он умеет. Мне с ним было на этот раз интересно: расскажу. И выступление его на эстраде было примечательно, в особенности из-за нескольких слов о Блоке. Попросил его дать в

¹⁵ 8 января 1954 г. также очень выразительно: «А клюевские стихи – стилизация, от которой хочется блевать. Такая Россия никогда не жила, даже не вышивалась на полотенцах».

“Опыты” эту речь. Обещал прислать, после каких-то исправлений. С его обещанным рассказом что-то неясно: тоже расскажу» (Там же)⁶.

Другие важные для журнала люди также настороженно относились ко всяческому умилению перед христианскими ценностями и «православием, самодержавием, народностью». Сама издательница, М. С. Цетлин, весьма резко дважды реагировала на подобные произведения. Два таких инцидента были связаны с творчеством Елены Александровны Извольской (1896–1975).

Еще при самом начале журнала, 22 сентября 1952 г. Гринберг писал Иваску: «Видели ли Вы “Third Hour” Извольской – есть русский, франц<узский> и английские номера. Одно время там католичество перемешалось с большевизанством и вообще было много чепухи. Но в кругах “Third Hour” бывали серьезные люди, напр., Auden, кот<орый> интересуется р<усской> литературой. Но, м<ожет> б<ыть>, об этом следует думать *после* второго номера» (Там же). Очевидно, что желание завязать связи с этим кругом было связано с международными претензиями будущего журнала. Уже через пять дней, внимательно ознакомившись с журналом Извольской, Гринберг сообщал: «Третий Час – это так себе. Что-то городят, неведомо что. А иностранцам все нипочем, не разбираются до поры, до времени. Я был на одном собрании, где милейший Одэн старался понравиться, и нетрезвый Яновский старался помешать» (Там же).

При Гринберге Извольская в «Опытах» напечаталась единственный раз – это были воспоминания о Цветаевой. Но при редакторстве Иваска, в шестом номере, она напечатала рассказ (или эссе) «У Христа на елке», который в штывы был принят Цетлиной. Два года спустя она вспоминала об этом эпизоде в письме к Иваску: «Вы забыли, как я боролась за ненапечатание ее статьи о католич<еской> сестре милосердия» (Box 7. Folder 13). А поводом для такого воспоминания послужил инцидент, когда Извольская предложила журналу статью, вызвавшую возмущение Цетлиной. 13 мая 1958 года она написала автору: «Николай II и Александра Федоровна, независимо от их преданности русскому народу, сыграли огромную роль в судьбе этого народа. Кроме того Николай II был членом (и даже, говорили, председателем) “Союза русского народа”, который организовывал еврейские погромы. Мне душевно и нравственно

¹⁶ Имеющийся в виду рассказ – тот, о котором Гринберг писал Иваску 26 сентября: «Нужно начать с первоклассного материала (а где его взять?), чтобы вызвать к жизни другие творческие и завистливые энергии. Понятно, надежда моя на Набокова, которого надеюсь обнять очень скоро. Но кто его знает? Есть у него гениальный рассказ; нигде не был напечатан; он мне его читал в Париже. Извините – порнография, правда, изумительно засекреченная для первого взгляда, для второго могут издателя посадить в каталажку. Воображаете? Не доведи Господи. Но соблазнительно очень. Буду просить его изменить немного. Рассказ называется “Волшебник”. “Сов<ременные> Записки” от этого “Волшебника” отказались когда-то».

невозможно как издательнице “Опытов” помещение статьи об их идиллическом отношении к людям»¹⁷. На наш взгляд, в этих эпизодах основная линия журнальной тактики издательницы просматривается весьма отчетливо, и точки ее пересечения с тактикой Гринберга вполне ясны.

Как кажется, стоит отметить и еще одну существенную проблему, связанную с существованием журнала. Он издавался во вполне пуританской в то время Америке, но часто притягивал произведения с откровенно эротическим зарядом. В недатированном письме Пастухов писал Иваску о материалах, полученных для первого номера: «Ремизов прислал о х... оботе. Мережковского глава из “Иисуса Неизвестного” начинается словами какой-то святой о девственности девы Марии: “Аще не вложу перста мои не поверю...”. Ваши стихи о “вазелиновой аллее”. Яновский пишет в своем рассказе фразу: “Лежа в саду и мечтал и дрожил”. Все разновидности сексуальных вкусов как будто бы представлены. Может быть, я невольно привлекаю такие вещи. Надеюсь, что развеял Вас этим “портфелем редакции”» (Box 2. Folder 41). Если прибавить к этому еще и рассказ Набокова «Волшебник», судьбу которого обсуждал Гринберг, то список получится внушительным. Большинство названных произведений напечатано не было¹⁸, а те, которые все же были опубликованы, оказались смягчены, но сама идея того, что журнал способен напечатать едва ли не порнографические произведения, видимо, носилась в воздухе.

Вероятно, отчасти это могло быть связано еще и с тем, что на всем протяжении жизни журнала у его руля стояли люди с достаточно определенной гомоэротической ориентацией, в то же время вовсе не желавшие ее афишировать. Несколько наивный Гринберг писал Иваску: «О Буркине понимал и без того; больно П<астухов> расвирепел на меня за критику и объявил: “Я не так уж связан с журналом и не прочь уйти, если Вы не хотите моего выбора, т. е. Буркина”. А я невозмутимо сказал, что стихи Бур<кина> просто скандал недопустимый. Но почему Вы молчали, когда о Бур<кине> зашла речь у меня в комнате, если Вы и раньше понимали, что он дрянь, не понимаю? Одно дело спать, — другое печатать и выходить на люди с таким дерьмом» (Box 3. Folder 37). Совсем не наивный Адамович так описывал Иваску: «Педераст? Очень тонок, очень чувствителен: вероятно, педераст. <...> За свою долгую жизни и богатый опыт я глубоко презираю педерастов. Если три-четыре соберутся вместе, это позор и поношение, нельзя выдержать! Но, впро-

¹⁷ «Мария Самойловна, не оставляйте “Опытов”!». С. 190. Кажется, в первой фразе слово «огромную» прочитано неверно; судя по всему контексту, должно быть «отрицательную».

¹⁸ Отметим, что повествование Ремизова о демонстрации «статуэтки», то есть слепка с гениталий кн. Потемкина-Таврического, в смягченном виде появилось в газете «Новое русское слово» (1954. 12 апреля. № 14960).

чем, Иваск, ничего»¹⁹. Свои разговоры на гомосексуальные темы с Адамовичем Иваск записывал, но так и не опубликовал²⁰, а в письмах довольно свободно беседовал об общих интересах. Вовсе не исключено, что среди различных причин, удерживавших Набокова от более деятельного сотрудничества в «Опытах», было и сугубо отрицательное отношение к Адамовичу и Г. Иванову, в равной, сколько можно судить по переписке, степени восходившее и к литературным причинам, и к неприятию их гомосексуальных пристрастий²¹. Конечно, было бы наивно полагать, что именно и исключительно гомоэротическими интересами диктовался отбор авторов для публикации в «Опытах», но и миновать эту сторону было бы неверным.

Таким образом, нам представляется, что деятельность редакции и ближайших сотрудников «Опытов» определялась не только их общими литературными интересами (которые могли быть и весьма несхожими), но и общим ощущением связанности теми обстоятельствами, которые могли восприниматься как сомнительные для социальных и культурных проблем эпохи. Отчетливо ощутимый еврейский субстрат был одним из таких обстоятельств.

¹⁹ Письмо к В. С. Яновскому от 18 сентября 1951 / Публ. Вадима и Веры Крейд // Новый журнал. 2000. № 218. С. 126.

²⁰ См.: Проект «акмеизм» / Публ. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2003. № 58. — С. 40—180.

²¹ См.: Друзья, бабочки и «монстры». С. 518—521.